

Илья Бояшов

Писатель, историк. Родился в 1961 году в Ленинграде. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Лауреат Премии Правительства Санкт-Петербурга в области культуры и искусства (2021) и премии «Национальный бестселлер» (2007), финалист Всероссийской премии искусств «Созидающий мир» (2022). Книги его неоднократно экранизировались (по повести «Танкист» снят фильм Карена Шахназарова «Белый тигр»). Живет в Санкт-Петербурге.

Иоганн Генрих Песталоцци

Выдающийся швейцарский педагог Иоганн Генрих Песталоцци родился 12 января 1746 г. в городе Цюрих, в семье врача с весьма скромным достатком. Он был вторым ребенком в семье. Когда Генриху исполнилось пять лет, скончался его отец. Семейство оказалось в чрезвычайно трудном положении; все легло на плечи матери Иоганна. Тем не менее, она постаралась дать детям достойное образование.

Школа, в которую отдали мальчика, помимо традиционных дисциплин предлагала изучение религии. Воспитанники читали Библию и другие священные тексты. Иоганн учился довольно посредственно, особенно он мучился с орфографией.

Следующим этапом обучения стали латинская школа, а затем — Каролинский коллигеум: там юношей готовили либо к духовной, либо к государственной карьере. Какое-то время Песталоцци мечтал о сане священника, однако в 1765 году увлекся политикой и, бросив учебу, примкнул к буржуазно-демократическому движению, популярному среди швейцарской интеллигенции.

Вскоре материальные трудности привели молодого человека к желанию заняться сельским хозяйством. В двадцать три года он женился на Анне Шультгес. Невеста происходила из богатой семьи. Благодаря женьитьбе Песталоцци смог купить неподалеку от Цюриха скромную усадьбу и принялся за дело, которое, впрочем, не принесло успеха. Именно тогда молодой Иоганн впервые близко столкнулся с жизнью крестьянских детей, предоставленных самим себе. Их положение ужаснуло молодого революционера. После серьезных размышлений на оставшиеся средства пылкий и увлекающийся Песталоцци попытался организовать «Учреждение для бедных» — нечто вроде трудовой школы. Ему удалось собрать группу в пятьдесят человек. Летом он обучал детей полевым работам, а зимой прививал им тягу к ремеслам. Одновременно с этим он преподавал математику, правописание и другие предметы и рассуждал с учениками о природных и жизненных законах. В 1780 году школу пришлось закрыть из-за недостатка средств.

После очередного фиаско Песталоцци решил заняться писательской деятельностью. За десять лет он опубликовал множество книг, в которых развивал свои идеи обучения. В опусах «Досуги отшельника» и «Лингард и Гертруда, книга для народа» молодой литератор утверждал: для благоденствия народа и искоренения бедности государство просто обязано поднимать уровень всеобщего образования.

Между тем в стране наступили тяжелые времена. Некоторые кантоны не приняли идей произошедшей во Франции буржуазной революции, более того подняли бунт, который чрезвычайно жестоко был подавлен находящимися в Швейцарии французскими войсками. Огромное количество детей в результате его подавления оказались беспризорными и жили в развалинах городов, разнесенных артиллерией и дочиستا разграбленных солдатней. Особенно жестоко пострадали кантоны Нидвальден и Штанс. Власти Штанса, вспомнив о педагогической деятельности Иоганна, поручили ему создать в полуразрушенном женском монастыре прибежище для несчастных. Вскоре там набралось около восьмидесяти воспитанников — полуголодных, оборванных, оставленных без надлежащего медицинского ухода. В приюте не оказалось ни учителей, ни учебных пособий. Иоганну Песталоцци пришлось быть и врачом, и сиделкой, и казначеем, и дворником. Но, несмотря на трудности, он сплотил детей в единый коллектив, став для них настоящим отцом.

Тем временем французской армии понадобилось помещение под штаб и госпиталь: военные приказали освободить территорию. Приют в одночасье был распущен. Для Песталоцци это решение оккупантов явилось тяжелым ударом, так как его воспитанники вновь остались без

присмотра. Дети разбрелись в поисках пропитания. Судьба многих из них была печальна.

Глубокое эмоциональное потрясение не помешало Песталоцци открыть в 1800 году новое учебное заведение — Бургдорфский институт, среднюю школу с интернатом, предназначенную для подготовки учителей. Он собрал талантливых педагогов и вместе с ними начал успешные опыты в области методики преподавания счета и языка.

Спустя три года институт перебрался в Ивердон. Песталоцци приобрел международную известность, а его система образования показывала такие результаты, что многие богатые семьи начали отдавать в институт своих детей.

Основным методологическим положением во взглядах Песталоцци всегда выступало утверждение, что нравственные, умственные и физические силы человека склонны к саморазвитию и к деятельности. Детей следует воспитывать так, чтобы помогать им саморазвиваться в нужном направлении. Главным критерием в воспитании, Песталоцци называл принцип природосообразности. Он считал: свойственные любому ребенку природные таланты следует поощрять, начиная от простого к сложному. Каждый ребенок уникален, поэтому педагог должен подстраиваться под него, благодаря чему тот сможет в полной мере раскрыть свои способности.

Публицистические и литературные труды Песталоцци успешно раскупались, и на полученные от продажи средства он открыл в 1818 году школу для бедных. Однако к тому времени здоровье подвижника сильно пошатнулось. Более того, начались трения в педагогическом коллективе. Помощники гениального педагога перессорились, дела шли все хуже и хуже, и в 1825 г. институт закрыли по причине банкротства. Песталоцци вынужден был покинуть основанное им заведение и разочарованным вернуться в свою усадьбу.

Умер Иоганн Генрих Песталоцци 17 февраля 1827 г. в возрасте восьмидесяти одного года. Его последними словами были: «Я прощаю своих врагов. Пусть они теперь обретут мир, к которому я иду навсегда».

Наши современники о Песталоцци

Яков Абрамов:

«Французская революция, отразившаяся почти на всех европейских странах, вызвала революционное движение и в Швейцарии. Старые порядки были уничтожены, установлен новый строй, объединивший кантоны, составлявшие дотоле почти самостоятельные, отдельные государства, и уничтоживший сословные разделения. Нашлись, однако,

кантоны, которые восстали против новых порядков. Французы, занимавшие тогда Швейцарию под предлогом защиты ее от австрийцев, приняли на себя роль усмирителей восставших кантонов и произвели в них целый ряд возмутительных жестокостей. Особенно пострадал в кантоне Унтервальдене город Станц, который был сожжен дотла... Песталоцци было предложено взять на себя попечение о бесприютных детях, во множестве бродивших среди городских развалин...

Скоро полуразрушенный монастырь был переполнен детьми, которых набралось больше сотни. Это были несчастнейшие создания: оборванные, грязные, покрытые насекомыми, с кожными болезнями, измученные физически и испорченные нравственно и без всяких следов какого бы то ни было воспитательного влияния. Многие из них были сиротами, другие имели родителей, но последние были едва ли не несчастнее первых. Родители этих детей принадлежали к подонкам городского населения...

Через полгода детей из приюта нельзя было узнать: это были чисто-плотные, скромные, трудолюбивые ребята, души не чаявшие в своем "отце". Так же резко изменилось и отношение родителей к Песталоцци: те из них, которые приходили раньше в приют подбивать детей на бунт против Песталоцци, теперь являлись сюда для того, чтобы поцеловать руку этого великого подвижника. В чем же была причина этого чуда? Имя этой причины любовь: этим-то орудием Песталоцци победил и детей, и их родителей...

Песталоцци как учитель-практик был плох, и результаты его преподавания получались весьма печальными. В данном случае Песталоцци выручали, однако, особенности приютской жизни. При массе учеников разных возрастов, разной подготовки, разнообразного умственного развития, при множестве и разнообразии обязанностей, которые нес Песталоцци, не могло быть и речи о систематическом учении или классном преподавании. Песталоцци должен был ограничиваться, с одной стороны, случайными беседами со всеми учениками о том или ином предмете, а с другой — не менее случайными занятиями с некоторыми наиболее способными. Желая, однако, чтобы и все остальные не оставались без обучения, Песталоцци создал здесь, гораздо ранее Белля и Ланкастера, систему взаимного обучения. Ученики Песталоцци, успевавшие лучше других, немедленно становились его помощниками и обучали тому, что узнали сами, своих отставших товарищей. При этом, наблюдая за приемами обучения, практикуемыми учениками-помощниками, Песталоцци напал на мысль, которая затем сделалась одним из основных положений его педагогической системы: приемы преподавания могут и должны быть упрощены настолько, чтобы самый про-

стой человек мог сам обучать своих детей так, чтобы начальные школы оказались мало-помалу совершенно лишними».

Андрей Максимов:

«Главное открытие Песталоцци — это метод природосоответствия. Его могут использовать и учителя в школе, и родители — если захотят и найдут время. В чем его суть? Песталоцци считал, что, прежде чем учить ребенка, его необходимо изучить. Понимаете? Не объяснять ему сразу, сколько будет дважды два, а изучить: понять его суть, его интересы, его увлечения. Мы не задумываемся над тем, почему человек идет в школу именно с семи лет. Это традиция, идущая от церкви, которая считала — и, думаю, справедливо, — что именно с семи лет ребенок готов прикоснуться к церковным таинствам, например, исповеди. С семи лет человек может в большой мере отвечать за себя. Значит, с семи лет его вполне можно и интересно изучать. Вот, изучив семилетнего человека, можно развивать в нем то, что требует воспитания, то, что ребенку выработать в себе и полезно и нужно».

Наталья Оленцова:

«Современники считали его сумасшедшим и смеялись над его идеями. Долги и безденежье были его верными спутниками на протяжении всей жизни. Но через десятки лет учение чудаковатого швейцарца легло в основу современной педагогической теории и практики. Это история Иоганна Песталоцци, жившего более двухсот лет назад, и того, как его идеи изменили взгляды общества на воспитание детей.

К своим сорока годам Песталоцци вполне осознал свое предназначение: быть воспитателем. Ему не удалось реализовать себя на юридическом поприще, да и с коммерцией не задалось. Зато, занимаясь с детьми, Песталоцци забывал обо всем на свете. Ему нравилось размышлять о развитии ребенка, о методиках образования, видеть, как дети учатся новому и меняются день ото дня. Он и сам оставался ребенком и, как считали многие, был так же, как дети, не приспособлен к жестокому материальному миру: слишком мягкий, открытый, доверчивый, мечтательный, идейный и абсолютно непрacticalный».

Акива Эрнст Симон:

«Немного найдется писателей, читать которых было бы так же трудно, как Песталоцци. Вынужденное бездействие заставляло его брать за перо и осиливать лист за листом в тяжелой борьбе со стилем и правописанием. Мыслитель, лишенный систематического философского образования, Песталоцци совершал круг за кругом, постепенно

очерчивая свою мысль, которую не умел облечь ни в одно из готовых понятий. Впрочем, сомнительно, чтобы он особенно сожалел об этом... Песталоцци говорит на языке идеалистической философии, и поэтому его считают кантианцем. Однако он не воспринимал действительность как головоломку, заданную разуму; его мысль дышит живой верой в Творца и доверием к Его созданию. Человек, изделие рук Всевышнего, не превращается у него в объект созерцания самодовлеющего разума. Кантианство Песталоцци внушает так же мало доверия, как и его плаксивость. Он был пламенно верующим реалистом, деятелем, прежде всего.

Почти все труды Песталоцци представляют собой странную смесь: изложение взглядов перемежается в них с жизнеописанием автора. Словно кто-то принуждал его время от времени повторять летопись своих хождений по мукам, каждый раз доводя ее до текущего момента. Создается впечатление, что мучительный груз прошлого мешал ему творить, и время от времени Песталоцци требовалось освобождаться от этого груза. Такая особенность его писаний не облегчает чтения, но обогащает понимание, если дать себе труд разобраться в религиозных воззрениях автора. Песталоцци свято верил, что судьба всего мира зависит от выбора, который в тех или иных ситуациях делает каждый человек, и эту судьбу может решить один-единственный поступок. Об этом хорошо сказано в трактате Ки Ду Шин: "Выполнивший [хотя бы] единую заповедь — благо ему, ибо склонил к оправданию чашу [суда] над собой и всем миром". Понятно, что подобная вера наполняет значимостью каждый факт человеческой биографии».

Цитаты, высказывания, афоризмы Песталоцци

Час рождения ребенка является первым часом его обучения.

Несомненно, что только одна мать в состоянии заложить правильную чувственную основу воспитания человека. Ее реальные поступки, к которым ее побуждает один только голый инстинкт, являются, по существу, правильными, естественными средствами нравственного воспитания.

Природа вложила в сердце матери первую и самую насущную заботу о сохранении покоя в самый ранний период жизни ребенка. Эта забота проявляется у людей повсюду в виде присущей матери материнской силы и материнской преданности.

Мой первый принцип заключается в том, что мы лишь в той мере можем хорошо воспитывать ребенка, в какой знаем, что он чувствует, к чему способен, чего он хочет.

Глаз хочет смотреть, ухо — слышать, нога — ходить и рука — хватать. Но также и сердце хочет верить и любить. Ум хочет мыслить. В любом задатке человеческой природы заложено естественное стремление выйти из состояния безжизненности и неумелости и стать развитой силой, которая в неразвитом состоянии заложена в нас лишь в виде своего зародыша, а не самой силы.

Я жил годами в кругу более чем пятидесяти нищих детей, я делил с ними в бедности мой хлеб, я сам жил как нищий для того, чтобы научить нищих жить по-человечески.

Воспитание и только воспитание — цель школы.

Нравственность заключается в совершенном познании добра, в совершенном умении и желании творить добро.

Я стараюсь ввести детей в гущу жизни и объяснить им, как любая отдельная хорошая черта человека, если она остается изолированной и не находит себе опоры во всем том хорошем, что имеется в природе человека, каждый раз рискует вновь затеряться в человеке или получить такое направление, которое одинаково легко может привести как к его падению, так и к его совершенствованию.

Не следует стремиться рано сделать из детей взрослых; нужно, чтобы они постепенно развивались в соответствии с тем, какое положение, обстоятельства их ожидают, чтобы они научились нести бремя жизни легко и быть при этом счастливыми.

Умственное развитие и зависящая от него культура человечества требуют постоянного совершенствования логических средств искусства в целях природосообразного развития наших мыслительных способностей, наших способностей к исследованию и суждению, до осознания и использования которых человеческий род возвысился с давних пор.

Каждый из нас совершенно свободен, и только в качестве свободных людей мы живем, любим деятельной любовью и жертвуем собой ради выполнения своей цели.

Способность человека воспринимать правду и справедливость по своему существу является всеобъемлющей, возвышенной, чистой склонностью, которая может находить себе пищу в простых, немногословных, но широких взглядах, стремлениях и чувствах.

Три силы вместе — способность к наблюдению, способность к речи и способность к мышлению — следует считать совокупностью всех средств развития умственных сил.

Значительное число людей получает образование не путем усвоения абстрактных понятий, а путем интуиции, не через блеск обманчивых словесных истин, а через устойчивую истину, присущую действующим силам.

Беспокойство по сути является порождением чувственных страданий или чувственных желаний; оно — дитя жестокой нужды или еще более жестокого эгоизма.

Истинное природосообразное образование по самой своей сути вызывает стремление к совершенству, стремление к совершенствованию человеческих сил.

Человек сам природосообразно развивает основы своей нравственной жизни — любовь и веру, если только он проявляет их на деле. Человек сам природосообразно развивает основы своих умственных сил, своего мышления лишь через само действие мышления.

...это было несчастьем, а не нашей виной, что мы были воспитаны способными не делать хорошее, а только мечтать о нем.

Каждое хорошее воспитание требует, чтобы дома глаз матери ежедневно и ежечасно безошибочно читал в глазах, на устах и на челе ребенка каждую перемену в его душевном состоянии. Оно в сущности требует, чтобы сила воспитателя была силою отца, оживленною присутствием всей совокупности семейных отношений.

Сущность человечности развивается только при наличии покоя. Без него любовь теряет всю силу своей истинности и благотворного влияния.

Начальное образование способно средствами своего искусства содействовать естественному ходу развития мыслительных способностей и поощрять его.

Школа должна прививать своим воспитанникам такие навыки логического мышления, которые гармонировали бы с самой природой человека.

Отцы и матери все еще в святой невинности полагают, что если дети посещают школу и находятся в ней, то, значит, они развиваются как в физическом, так и в моральном отношении.

Обучение научным дисциплинам предполагает, следовательно, предварительное наслаждение свободой, которую оно ограничивает, точно так же, как впряжение взрослого животного в плуг или телегу является произвольно направленным применением тех сил, которые молодое животное приобрело и развило в период, когда оно жило и свободно гуляло на пастбище.

Природа моих средств интеллектуального образования ни в коей мере не произвольна, она необходима. Так как эти средства лишь постольку хороши, поскольку определяются самой сущностью человеческой природы, то они в основном также неизменны.

Ребенок — зеркало поступков родителей.

По законам природы слова любви не произносятся прежде, чем не созревают чувства.

Чтобы изменить людей, их надо любить. Влияние на них пропорционально любви к ним.

Исходные начала и точки соприкосновения с тем, чему ребенок должен учиться в школе, подготовлены и существуют в нем благодаря познаниям, почерпнутым из наблюдений в домашней жизни.

Вообще необходимо добиваться такого положения, при котором стало бы невозможным, чтобы ребенок выиграл что-либо ложью; наоборот, быть пойманным во лжи должно представлять для него существенную опасность.

Мы знаем, чего мы хотим.